

18+

**Наталья
Нутрихина**

Стрелец и Дева

Юмористические рассказы

Наталья Нутрихина

Стрелец и Дева.
Юмористические рассказы

«Издательские решения»

Нутрихина Н.

Стрелец и Дева. Юмористические рассказы / Н. Нутрихина —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-746612-1

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.** В
сборник вошли не только юмористические, но и лирические миниатюры,
написанные в разное время. В ранних рассказах сквозит удивление молодого
инженера, только закончившего институт, нелепостям организации труда.
Следующие — написаны на этапе растерянности работающей молодой матери
перед сложностями быта. Большинство — в годы осмысления перемен,
которые принесла перестройка. «Книга предназначена, в первую очередь, для
меня самой», — говорит Н. Нутрихина. Возможно, круг читателей окажется
шире.

ISBN 978-5-44-746612-1

© Нутрихина Н.
© Издательские решения

Содержание

Новый директор	6
Косовище	6
Целительница	7
Не так страшен черт...	8
Новый директор	9
Щадящий режим	10
Жизнь и смерть Хосе Рикардо	11
Энергия сосны	12
Стрелец и Дева	13
Балерина с кастрюлькой	14
Божья благодать	15
Любимая работа	17
Образцовая комната	17
Открытие	18
Экспертиза	19
Арест Самолетова	20
Поединок	22
Портфель	23
Хомяк	24
Если каждый	25
Женская логика	26
Бунтарь	27
Любимая работа	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Стрелец и Дева

Юмористические рассказы

Наталья Нутрихина

Редактор Анатолий Иванович Нутрихин

© Наталья Нутрихина, 2019

ISBN 978-5-4474-6612-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Новый директор

Косовище

Мы с мужем купили новое косовище. Это, если кто не знает, такая длинная палка с железным кольцом и клинышком на конце, чтобы лезвие косы прикреплять. И вот несу я эту палку из магазина, держу вертикально, чтобы прохожих не задевать, а муж говорит:

– Ты прямо как на митинге, только плаката наверху палки не хватает.

Посмеялись мы, а потом решили дочку разыграть. Она приходит с работы, видит в коридоре палку, спрашивает, зачем она.

А я говорю:

– На митинг завтра пойдём. Палку сегодня выдали, а плакат дадут завтра.

Дочка испугалась:

– Хотите, чтоб вам там голову дубинкой проломили? Какой митинг? Кто организует?

А что отвечать? Я за политикой не особенно слежу, что дальше врать, ещё не придумала.

– Не знаю, – говорю. – Какая разница! – шутить, так шутить. – Обещали нам по тысяче рублей за участие и ещё тысячу за несение плаката.

– Кто обещал?

– Тётка какая-то у метро.

– Никуда вы не пойдёте, ни на какой митинг! – ещё больше рассердилась дочка, схватила палку и понесла на улицу. Я ей кричала вслед, что пошутила, но она палку выбросила.

А хорошее было косовище! Жалко. Улучила я момент и пошла искать утраченную палку. Не успела дойти до помойки, встретила соседа – идёт с тем самым косовищем. Я замедлила шаг, раздумывая, как бы объяснить ему, что это наша вещь, но он расценил мою остановку, как желание поговорить, и начал:

– До чего страну довели! Протестовать надо! Выступать, отстаивать свои права! Иду завтра на митинг. Свободу защищать будем! Флаг у меня есть, теперь вот древко для него нашёл хорошее, – и гордо показывает на наше косовище.

Мне всё шуточки, а человек вот, действительно, о стране думает, а не о траве на дачном участке. И не стала просить у него наше косовище.

Целительница

Таня пришла к врачу в районную поликлинику.

– Болит? – спросила врач. – Где? Здесь? Ничего страшного. У меня тоже здесь болит. Это возрастное, тут уже ничего не поделаешь.

Таня огорчилась и на следующий день поделилась своим огорчением на работе. Сотрудницы возмутились:

– Кто сейчас в поликлинику ходит! Это бесполезно. Надо к платному врачу обратиться.

Таня послушалась сотрудниц и пошла в медицинский кооператив, заплатила за прием и стала дожидаться своей очереди к врачу.

Очередь оказалась меньше, чем в районной поликлинике, а вот врач – та же самая, их участковая, Нина Владимировна. Ее трудно не узнать или с кем-то спутать – очень уж приметная родинка на щеке возле носа.

Нина Владимировна не узнала Таню и говорит:

– Надо провести компьютерное лазерорезонансное обследование, сделать анализы, потом назначить лечение. И все пройдет, если вы серьезно отнесетесь к своему здоровью. Вот вам направления, вот счет. Идите в кассу, платите.

Таня посмотрела на счет и решила подождать до получки.

Вечером рассказала соседке. Та говорит:

– Если есть лишние деньги, то, конечно, плати, только они тебя все равно не вылечат. Я таких случаев не знаю. А вот как исцеляет молитвенница Манефа – уже много есть примеров. Я вот всего один раз к ней ходила – и ни простуд, ни радикулитов.

Пошла Таня на целительный сеанс Манефы во Дворце культуры. Погас свет, на сцену упал луч прожектора, и в освещенном круге появилась Манефа. Платок черный по-монашески завязан, а из-под него волосы длинные по голым плечам, как у ведьмы.

– Посмотрите мне в глаза, – говорит, – поверьте в мою целительную силу, в чудодейственность моей молитвы – и вы покинете этот зал здоровыми.

А Таня у нас такая доверчивая, такая впечатлительная, что ей сразу начало казаться, что болезнь прошла. И она вскочила с места и побежала по проходу к сцене, чтобы поблагодарить целительницу Манефу, но, приблизившись к ней, увидела на щеке ту же родинку приметную. И узнала это – Нина Владимировна, врач участковый из районной поликлиники, она самая, у которой у самой болит в том же месте – и лечить бесполезно.

Таня снова почувствовала себя больной и поковыляла к выходу из зала.

Не так страшен черт...

С некоторых пор по ночам Марье Дмитриевне стал являться черт. Ей бы осенить себя крестным знаменем, сотворить молитву, а если не поможет, то обратиться к священнику. Но Марья Дмитриевна по старинке отправилась к врачу в районный психдиспансер. Она рассказала ему о том, как черт по ночам является, как выглядит нечистая сила и что при этом говорит.

– Типичный случай! – воскликнула докторша, – синдром Кандинского-Клерамбо или, чтобы вам было понятнее, параноидный синдром. Хорошо, что вы сразу к нам пришли. В начальной стадии болезнь вполне излечивается. Однако для этого нужно недельки две полежать в больнице. Сейчас там мест нет, но я вас поставлю на очередь.

– Спасибо вам большое, – сказала Марья Дмитриевна и отправилась домой продолжать беседовать с чертом и ждать приглашения в стационар.

Через месяц ей позвонили, дескать, можно прийти госпитализироваться. Первая же ночь в больнице принесла Марье Дмитриевне облегчение – образ черта сделался бледным, речь хвостатого еле слышной.

«Славно-то как! – подумала Марья Дмитриевна, проснувшись утром. – Скоро буду совсем здорова».

Но она рано радовалась. После обеда ее подозвали к окну. Марья Дмитриевна выглянула и не поверила своим глазам. Под окнами больницы стояла толпа с плакатами: «Свободу Марье Дмитриевне!», «Долой тюремщиков в белых халатах» и просто «Маша – наша!».

– Чего это они? Или опять у меня галлюцинации? – в страхе спросила Марья Дмитриевна.

– Нет, – ответил врач, – это, к сожалению, реальность. Сейчас я открою окно, а вы им скажите, что, действительно, больны и что пришли сюда добровольно.

Толпа под окном не поверила словам Марьи Дмитриевны и заволновалась еще больше.

– Она под воздействием лекарств! – выкрикнул один.

– Видите, как ее там запугали! – подхватил другой.

– Ее пытали! – объявил третий.

– Маша – наша! Маша – наша! – скандировала толпа.

Марья Дмитриевна вглядывалась в этих людей и не находила ни одного знакомого лица. К счастью, вскоре полил сильный дождь и митингующие разошлись.

Во вторую ночь в больнице черт уже, можно считать, и не показывался на глаза Марье Дмитриевне. Но зато толпа под окнами гудела уже с утра...

– Мы вас выписываем, – сказал врач Марье Дмитриевне после завтрака. – А не то эти митинги не только больных, а и весь на персонал с ума сведут.

– Хорошо, – сказала Марья Дмитриевна и пошла собираться.

Дома в первую же ночь ей опять явился черт в самом мерзком своем облике, но это было не так страшно, как митинг.

Новый директор

Вернувшись на службу после отпуска, Стояков не узнал своей комнаты: на том месте, где он привык видеть яркий плакат с изображением Аллы Пугачевой, висела икона. Перед Христовым ликом, как и полагается, горела лампадка.

– Кто у нас... это... уверовал? – осторожно спросил Стояков.

– Мы все, – скромно и с достоинством ответила Сараева.

– Все? – не поверил Стояков.

– Пойдем, покурим, – вставая из-за стола, сказал Двоеруков, – я тебе все объясню.

– Директора нового к нам присылают, ты ведь знаешь, – продолжил он уже в коридоре.

– Ну и что?

– А он, оказывается, верующий. Из надежных источников известно. И от других того же требует. То есть, конечно, не требует, но сам понимаешь – директор.

– А я всегда был верующим, – задумчиво сказал Стояков, – с самого детства.

В это время к ним подошел Лежаев из соседнего отдела:

– Слыхали, мужики, директор-то наш новый вовсе не православный, а баптист.

– Я тоже баптист, – не растерялся Стояков.

– Как хорошо! – воскликнул Лежаев. – Ты нам сейчас все и расскажешь. Как у вас, у баптистов, иконы такие же или нет? А крестики нательные вы носите или как?

– Стыдно, что вы не знаете! – обиженно сказал Стояков и поспешил удалиться, поскольку сам ничего этого не знал.

На следующий день новый директор не появился, но зато пришла бывшая сотрудница, пенсионерка Ольга Григорьевна и заявила, что ей доподлинно известно: новый директор – кришнаит. У нее, у Ольги Григорьевны, сын тоже кришнаит и состоит с директором в одном братстве.

Все сотрудники хорошо знали Ольгу Григорьевну, – не верить ей было нельзя. Сараева сняла с окна штору и стала заворачиваться в нее, как в индийское сари.

– Харе Кришна! – прокричал Двоеруков.

– Кришна харе! – бодро ответил Стояков и вскинул над головой руку в пионерском салюте.

Щадящий режим

Насморк, кашель, температура, ломота в суставах – всё, что надо, чтобы получить бюллетень. Но я трезво оцениваю свои силы, понимаю, что это не для меня, и потому иду на работу. Я себя знаю. Если вызову врача на дом, то в ожидании его возьмусь за стирку – в выходные опять не успела, или буду мыть полы во всей квартире. А в таком состоянии, как у меня сейчас, нужен щадящий режим.

Так что я лучше пойду на работу. Там тихо, спокойно и ничего делать не надо. Делать нечего, но уйти не разрешат – отсиживаем свои восемь часов. А получи я больничный лист, ведь дома сидеть не буду – на дачу буду мотаться, огород готовить под посадки. При высокой температуре такая нагрузка на сердце может привести вообще неизвестно к чему. А очереди в поликлинике? Это ж какое здоровье иметь надо! Нет, на работу, только на работу, не молоденькая ведь уже, чтоб по поликлиникам таскаться, пора и о здоровье подумать.

Жизнь и смерть Хосе Рикардо

Реклама нового средства от тараканов гарантировала чудо. Таракан заходит в коробочку и выходит из нее неизлечимо больным очень заразной тараканьей болезнью. При этом он становится крайне общительным и заражает тех своих собратьев, кто не успел побывать в чудодейственной коробочке. Через несколько часов с тараканами покончено, и не только у нас, но и у всех соседей.

Однако мы теперь стали умными, и рекламе не верим. Купили одну такую хваленую коробочку, поймали таракана, посадили его в трехлитровую банку, поставили туда коробочку и стали ждать. Таракан заходил в коробочку, что-то там делал, потом выходил оттуда, не проявляя никаких признаков неизлечимого заболевания.

На следующий день мы решили, что таракан наш может погибнуть от голода или жажды, а вовсе не под воздействием разрекламированного товара. Чтобы этого не случилось, мы налили в банку немножко воды и бросили хлебных крошек.

Прошла неделя, яд так и не подействовал, но к таракану, живущему в банке, мы как-то уже привыкли, у него появилось имя. Дочка, обожательница мексиканских телесериалов, предложила назвать его Хосе Рикардо, и все это одобрили. Папа изучил соответствующую литературу, узнал, чем лучше всего кормить Хосе Рикардо, какой температурный режим поддерживать в банке, когда проветривать, как регулировать освещенность.

Хосе Рикардо все это нравилось, он толстел, веселел, и вроде как даже откликнулся на свое имя. И наша семья уже не представляла себе до каких пор будет тянуться неудавшийся эксперимент.

А кончилось все тем, что сын стал встречаться с девушкой и однажды пригласил ее в гости. Ей почему-то не понравился Хосе Рикардо до такой степени, что она пригрозила больше не прийти в наш дом, пока в нем будет находиться эта гадость. Сыну, как и всем нам, был дорог Хосе Рикардо, но еще дороже ему оказалась девушка. Он долго думал и, наконец, решил инспирировать побег Хосе Рикардо. Сын ночью положил банку на бок, как будто сама упала и крышка отвалилась.

Может быть, Хосе Рикардо поведал сородичам о том, как хорошо ему жилось в банке, или по какой-то другой причине, но утром банка была просто битком набита тараканами. Уничтожить их мы не могли, потому что среди них мог быть и наш Хосе Рикардо. Отвезли банку подальше в лес и там выпустили тараканов на волю. А потом уже узнали, что тараканы там погибли, не переживут зиму.

Сын радуется, папу с мамой другие заботы отвлекают, а дочке очень жалко Хосе Рикардо.

Энергия сосны

– Время сейчас такое – ни на что сил не хватит, если не использовать внешние источники энергии, – сказала Маргарита Ивановна. – Надо поехать за город, найти в лесу большую сосну, встать к ней спиной, прижаться к стволу как можно крепче и простоять так полчаса, ни о чем не думая. И часть энергии сосны перейдет в тебя.

Марья Дмитриевна так и сделала. Нашла сосну, доверчиво привалилась к ней и задремала. А когда захотела отойти, почувствовала, что спина прилипла к стволу. Сначала Марья Дмитриевна обрадовалась, вообразив, что это энергия сосны так ощутимо в нее переходит. Потом она поняла, что новый плащ, купленный недавно по договорной цене, безвозвратно испачкан сосновой смолой. От огорчения она, можно сказать, лишилась последних сил и еле добралась до дому.

В понедельник Марья Дмитриевна пришла на работу в старом плаще, с подавленным настроением и в глубоком упадке сил.

– Ничего удивительного – я так и думала, – сказала Маргарита Ивановна. – Надо было полностью расслабиться, а ты, небось, думала о том, как отоварить талоны на сахар. Вот и получилось, что сосна вытянула из тебя энергию, а не ты из нее.

Стрелец и Дева

В субботу, возвращаясь с родительского дня в детском саду, архитектор Стас Рыбаков купил возле метро брошюрку с гороскопами, а с утра, в воскресенье, в семье начались нелады.

Супруги наметили еще накануне, что Рита займется с утра уборкой квартиры, стиркой и прочими делами, а Стас пойдет по магазинам за продуктами. Но не тут-то было...

– Гороскоп не рекомендует Девам, а я как раз и есть Дева, сегодня совершать никаких покупок, – сказал муж, тыкая пальцем в открытую книжку.

– Лень в магазин идти, вот и придумываешь всякую ерунду, – обиделась Рита.

– Я бы пошел, но тут написано, что у нас, Дев, сегодня резко повысилась вероятность необдуманных действий в области финансов. Куплю по ошибке что-нибудь ненужное иди просто кошелек где-нибудь оставлю. Нельзя мне сегодня в магазин.

– Конечно, я этим гороскопам не верю нисколечко, но раз у тебя такое настроение, то сама схожу в магазины, а ты займешься домашними делами. Хорошо? – предложила жена.

– Ты что? Этого мне сегодня тем более нельзя делать. Вот видишь, сказано: «Для Дев, родившихся в год Змеи, повышена вероятность бытового травматизма». Значит, опасны пылесос и стиральная машина.

– Интересно знать, чем же тебе рекомендует заняться этот твой гороскоп?

– Мужчинам он советует провести этот день в чисто мужской компании. Я и надумал к Витьке сходить. У него Томка с детьми на дачу уехала, мы бы с ним славно вдвоем посидели. Или втроем, если Петька согласится. Я пойду, ладно?

Рита промолчала, и Стас отправился к друзьям.

Брошюрка с гороскопами осталась лежать на столе. Побегав по магазинам и сделав все домашние дела, Рита тоже почитала эту книжечку...

И вот поздно вечером, когда Стас, возбужденный легкой выпивкой и приятной товарищеской беседой, пришел домой в предвкушении супружеских объятий, вместо жены он обнаружил на подушке записку:

«Милый Стасик! Я тоже прочитала свой гороскоп, и оказалось, что мне, Стрельцу, родившемуся в год Овцы, нельзя быть женой Девы, родившейся в год Змеи. Я люблю тебя, но ухожу к Валерию Петровичу. Он – Водолей года Свиньи и именно с ним мне надлежит соединиться, причем как раз сегодня. Он меня не любит, но я прочитала ему мой и его гороскопы – и он согласился».

Балерина с кастрюлькой

У кого есть знакомые артисты или даже, например, балерины, те могли наблюдать какая большая разница между тем, что мы видим на сцене и что у них дома на кухне. То есть, я имею ввиду, что балерина не прыгает с кастрюлькой в руках вокруг плиты в белом костюме лебеда, а ходит как мы с вами и даже в таком же халате.

То же самое, оказывается, и с экстрасенсами. На сцене – одно, а в повседневности – совсем другое. Про всех я не знаю и ничего огульно говорить не буду, но про одного мне недавно рассказали весьма занятную историю.

Пришел некий экстрасенс широкого профиля в редакцию газеты, чтобы дать рекламу своей деятельности. Заметку, которую он принес, конечно, напечатали и фотографию, им же представленную, поместили. Но, когда он пришел забирать назад свою фотографию, оказалось что она возьми да и потеряйся. В редакции много бумаг разных, и народу всякого немало толчется – вот фотоснимок и потерялся.

Ничего удивительно, а экстрасенс расшумелся, развозмущался, требует его портрет срочно найти и ему вернуть.

А у самого у него, между прочим, в рекламе написано не только про снятие порчи и сглаза, но и про поиск всяких пропавших предметов. Странное дело: угнанную автомашину он обещает найти, в какой бы стране она не оказалась, а фотокарточку свою собственную в той же комнате отыскать – слабо.

Ему это сказали, так он еще больше разгневался:

– Вы, – говорит, – мне что – проверку решили устроить? Так я в ваших проверках не нуждаюсь. У меня лицензия есть!

– Да вы не волнуйтесь, – сказала ему одна сотрудница редакции. – Найдется ваша фотография.

– Когда? Когда она найдется? – воскликнул ясновидящий.

Он забыл, наверно, когда это восклицал, что в его рекламе объявлены и услуги по предсказанию будущего.

– Я что, по-вашему, должен буду, – продолжал он, – снова приехать в редакцию, когда вы соизволите ее найти? У меня температура, между прочим, и насморк, а может быть, даже грипп, – обиженно закончил целитель многих недугов.

Фотографию его, кажется, так и не нашли... Одно дело – на сцене, и совсем другое – в повседневной обыденности.

Божья благодать

К Ленке, моей бывшей однокласснице, домой лучше не заходить: сын и дочка всё время воюют, что-то друг у друга отбирают; родители Ленкины тоже между собой препираются, какие-то старые грехи припоминают. А про мужа вообще разговор особый – он теории всякие несусветные изобретает и пытается их вдалбливать всем подряд. И всё это в двухкомнатной квартире, где и спрятаться некуда.

А вчера Ленка говорит: «Заходи, у меня теперь тишь, да гладь, да Божья благодать».

Прихожу, дома никого, кроме самой Ленки, нет. «Сейчас, – говорит, – дети придут, поужинай с нами».

И действительно, вскоре появляется ее двенадцатилетний сын:

– Будь благословенна женщина, дающая мне еду и питье! – обращается он к матери.

Я прямо обалдела, а он и мне говорит:

– Будь благословенна, подруга моей матери, украсившая наше жилище своей беседой.

Во сказанул! А так, ничего, мальчик с виду нормальный, даже подросток, поздоровел за последнее время. «Что это с ними?» – думаю, а спросить боязно.

Тут и дочка Ленкина явилась, той десять лет. Вошла молча, но как-то странно поклонилась и до материного тапка рукой дотронулась.

А в остальном дети, как дети. Что ж за беда такая?

Оказалось, что сын играет теперь в хоккей. Он всегда мечтал, но вход на каток платный, а у Ленки денег на это не было, а на коньки и клюшку тем более. Вдруг этот каток приобрела африканская религиозная секта «Молодой крокодил» и пригласила совершенно бесплатно всех окрестных мальчишек играть в хоккей, даже всю амуницию им выдали. Кроме хоккея их там ещё чему-то учат, но это не важно. Ленка очень довольна, что мальчик не болтается где-то без дела, а увлекается хорошим спортом.

Дочка Лены занимается в танцевальном кружке «Харе Рама», тоже бесплатно.

Бабушка, Ленкина мама, теперь к Ленке по каждому пустяку не цепляется, за каждым шагом не следит. Она ходит в клуб общения пожилых дам. В этом клубе они не просто общаются, а ещё и японский язык учат и что-то ещё, так что бабуля всегда при деле, дома никому не надоедает.

– А дедушка у вас чему учится? – спрашиваю.

– Дедушка не учится, он сам преподает. Ведёт кружок рисования для детей.

– В школе?

– Да нет, в школе ему не разрешили. У него ведь образования специального нет, художник-самоучка. А тут языческая церковь открылась, туда его и позвали.

В это время раздался телефонный звонок, и юный хоккеист побежал к телефону. Вернувшись, он сказал:

– Папа звонил из Парижа. Говорит, ещё на три дня задержится, из Парижа в Лондон полетит. Там тоже его просят лекцию прочесть. Круто, да?

– Что за лекции? – удивилась я.

– Теорию свою излагает. Человек произошел от компьютера. Потом в результате техногенной катастрофы исчезли искусственные источники энергии. В этих условиях смогли выжить только самовоспроизводящиеся устройства, питающиеся от естественных источников. То есть люди.

– А кто же его по границам возит?

– Секта такая нашлась, кто же ещё!

– Слушай, у тебя все по разным сектам, а ты так спокойно об этом говоришь? – спрашиваю Ленку.

– А мы, – отвечает, – «Сиреневые сёстры», не боремся за власть над душами наших близких. У каждой души свой путь к единому свету.

Любимая работа

Образцовая комната

По отделу прошел слух, что сметчикам дают премию за первое место в конкурсе на образцовую комнату.

– Сходим на эти пятьдесят рублей в кафе, – предложила незамужняя Клепикова.

– Нет, лучше разделим поровну эти деньги, и каждый сам потратит, – сказала многодетная Мешкова.

– Ну, нет! Премию дают всем вместе и незачем ее делить! – возмутилась Клепикова.

– А мне некогда бегать по кафе! И поить кого-то за свой счет я не намерена, – сказала Мешкова.

– Разбогатеешь ты от этой пятерки! – не унималась Клепикова.

Слово за слово, в спор втянулись Иванова и Сметанина.

– Мне давно надоело на тебя любоваться, – заявила Иванова и начала передвигать свой стол так, чтобы сесть спиной к Мешковой.

– А мне на вас обеих смотреть тошно! – провозгласила Клепикова и потащила шкаф на середину комнаты.

– И цветы все извольте отсюда вынести, у меня от них аллергия, – потребовала Мешкова и сама стала выносить горшки с растениями...

Комиссия пришла, ужаснулась беспорядку – и премию не дала.

Открытие

Шурик с детских лет мечтал сделать открытие или изобрести что-нибудь необыкновенное. Для этого он даже поступил в институт. Там вокруг него говорилось о многом, и один раз он услышал даже само слово «открытие». Правда, сразу же выяснилось, что речь шла об открытии банки килек в томате, но все равно волнующее предчувствие настоящего открытия после этого случая заметно обострилось.

Наступило лето. Шурик стал бойцом студенческого строительного отряда, ему вручили новую красивую лопату с голубой ручкой и поставили рыть котлован. Уже к середине дня Шурик ощутил, что вес лопаты увеличился не менее чем в пять раз. К концу дня лопата весила чуть больше, чем сам Шурик.

Назавтра повторилось то же самое: утром лопата была легкой, а когда к вечеру она снова стала тяжелой, Шурик понял, что одна его нога уже занесена над порогом открытия. «Здесь не действует закон сохранения массы! – радостно подумал он. – Осталось совсем немного: сформулировать, в каких именно условиях не действует этот закон, и до каких пределов может изменяться масса тела».

После ужина Шурик снова был на объекте. Замирая от волнения, он поднял лопату. Она оказалась почти такой же тяжелой, как и до ужина. «Значит, рассматриваемое тело, то есть лопата в данном случае, некоторое время сохраняет прибавочную массу, – решил молодой исследователь. – Однако по утрам лопата весит гораздо меньше...»

Шурик засек время и сел рядом с лопатой. Через полчаса она чуть полегчала. «Испытуемое тело теряет массу в неподвижности!» – осенило студента. Он снова взял лопату и спустился в котлован. Когда первый кубометр грунта был перемещен до проектных отметок, Шурик смело сделал вывод, что вес лопаты возрастает в процессе работы ею.

Теперь было уже нетрудно представить себе экономический эффект от сделанного открытия, слезы умиления на глазах седого профессора, цветы, ученую степень, конференцию в Париже... Возвратившись в лагерь, Шурик написал письмо на кафедру с просьбой прислать ему весы, хотя считал это уже излишним.

Прошло две недели, но посылки с весами все еще не было. Дождавшись субботы, Шурик сам поехал в город за весами. Когда он вернулся, его привычной лопаты с голубой ручкой нигде не было. «Масса тела уменьшилась до нуля, – заключил Шурик. – С точки зрения эксперимента случившееся прекрасно: оно подтверждает основной тезис моей теории. Однако чем же теперь копать? И, главное, – что взвешивать?»

Экспертиза

Известие об ограблении продуктового магазина поступило в тот момент, когда до окончания трансляции решающего хоккейного матча оставалось шесть с половиной минут.

– Ничего не случится, досмотрим, – сказал следователь Савельев коллеге Никитскому. – Преступники все равно уже скрылись. И вообще, преступник не волк, в лес не убежит.

Когда матч закончился, Савельев начал звонить насчет машины.

– Пустые хлопоты в казенном доме, – вздохнул Никитский. – Как раз в это время Серега на молочную кухню ездит за кефиром для своего чада.

Следователи вышли на улицу и направились на трамвайную остановку, но погода стояла такая чудесная, что было не грех пройтись пешочком. На месте преступления они обнаружили четкий след преступника: уходя, в спешке вор рассыпал муку и наступил на нее.

«Надо вызвать эксперта Творогову, – решили следователи, – пусть определит по следу рост, вес и характер преступника». Стали ждать Творогову. Ждали часа три. Наконец, увешанная продуктовыми сумками появилась эксперт.

– Очередь была за печенкой! – оправдываясь, сказала она.

– Мы тут ждем, ждем, – проворчал Никитский.

– И подождете! – оборвала его Творогова. – Вам все равно делать нечего, без всяких забот живете. А мне семью кормить надо! Ограбления каждый день совершаются, а печенку раз в два года продают.

Она поставила сумки, но прежде чем подойти к следу, оставленному преступником на полу обворованного помещения, Творогова направилась к зеркалу, чтобы привести себя в порядок.

Через несколько минут Савельеву и Никитскому пришлось резко обернуться на жалобный крик Твороговой. По полу текла щедрая белая струя из раздавленного молочного пакета в ее сумке. Ни Савельев, ни Никитский не успели ничего предпринять, как молоко залило то место, где преступник оставил след. И следа не стало. Огорченная Творогова нашла тряпку и начала вытирать молочную лужу, а заодно протерла весь пол в кладовке.

– Когда я теперь успею молоко купить! – горестно воскликнула она.

– Только нам и забот, что о твоём молоке! – закричал Никитский. – След преступника уничтожен!

– Зачем нам след? – кокетливо спросила Творогова, выжимая половую тряпку. – Пойдемте, мальчики, я вам покажу самого преступника. Его зовут Альфред Бутылкин, он сейчас лежит пьяный на скамейке в скверике около «Гастронома».

Лица Савельева и Никитского превратились в знак вопроса.

– Кто и как ограбил магазин, я узнала, пока стояла в очереди за печенкой. Женщины подробно рассказали о краже и назвали несколько имен предполагаемых преступников. Потом появился один из подозреваемых. Он подходил к стоявшим в очереди и предлагал купить краденое, и, кое-что сбыв с рук, прямым ходом пошел в винный отдел гастронома. Ну, и лежит теперь...

– Вот и порядок! – облегченно вздохнул Никитский. – Можно вызывать опергруппу для задержания Бутылкина.

– Я же говорил: преступник – не волк... – добавил Савельев. – Хорошо, что досмотрели матч до конца.

Арест Самолетова

Самолетов всегда был законопослушным, гражданином, чтившим всякое начальство, поэтому, когда его вызвали к следователю, он даже обрадовался – будет, о чем на службе рассказать. А то шеф сердится: «Что это, – говорит, – Самолетов, вы так скучно живете?»

А следователь как узнал, что Самолетов всю прошлую субботу просидел дома, и что никто подтвердить это не может, так и сказал:

– Вы убили гражданина Розмаринина!

– Я его не видел никогда! И не убивал я никого! – запротестовал поначалу Самолетов.

– Вину мы вашу всё равно докажем, – сказал следователь, – а будете отпираться, только срок себе увеличите.

Самолетов всегда делал то, что от него требовалось – уходя, гасил свет и выключал электроприборы, мыл руки перед едой, на эскалаторе метро держался за поручни и не умел пререкаться с представителями власти.

– Вам, конечно, виднее, – со вздохом согласился он.

Следователь велел Самолетову расписаться, после чего подозреваемого увели в камеру. Через два дня на очередном допросе следователь вдруг его спросил:

– Как ваше настоящее имя?

– Самолетов Андрей Владимирович.

– Неправда! Вы украли паспорт Самолетова и жили под чужим именем.

Голос следователя был таким уверенным, властным и устрашающим, что Самолетов послушно пробормотал:

– Возможно... Но так давно... Я забыл до некоторой степени.

– Напомнить? – повысил голос следователь. – Сванидзе – ваша фамилия! Амиран Автандилович Сванидзе.

Самолетов поставил под протоколом допроса свою новую фамилию.

– Я доволен вами, Сванидзе, – сказал следователь. – Как жаль, что мало таких, как вы!

Большинство ведь не понимает, что помощь следствию – главная задача подозреваемого.

– Я понимаю, – с грустью согласился Самолетов и его снова отвели в камеру.

Еще через два дня ему представили мужчину с огромными черными усами:

– Ваш адвокат Лившициани. Сегодня из Тбилиси прилетел. Родственники ваши наняли.

– Какие родственники? – не понял Самолетов.

– Семья Сванидзе не оставляет своих в беде, – ответил Лившициани. – Будете во всем слушаться меня и очень скоро выйдете на свободу.

– Что я должен делать?

– Прежде всего, не говорить по-русски. Это ваше право.

– По английскому у меня в школе тройка была. А других вообще не знаю.

– Вот учебник, – сказал Лившициани. – И чтоб на следующем допросе ни одного русского слова! Пусть ищут переводчика, а я за это время найду алиби.

– Спасибо, – по-грузински ответил Самолетов, и его увели в камеру.

Через неделю, когда Самолетова снова допрашивал следователь, он сказал на языке одной из самых малочисленных горских народностей:

– Я не говорю по-русски! Прошу пригласить переводчика.

– Не валяйте дурака, Самолетов! – рассердился следователь. – Адвокат Лившициани нашел настоящего Сванидзе, доказал его невиновность, и оба уважаемых человека отбыли обратно в Тбилиси.

– А я? – опросил Самолетов. – Чем я теперь могу помочь следствию?

– Только чистосердечным признанием! – сказал следователь и строго посмотрел на Самолетова.

Тот подобострастно впился глазами в лицо следователя, пытаясь прочесть на нем дальнейшие указания.

Поединок

Литконсультант отдела поэзии внимательно посмотрел в юное лицо, обрамленное пушистыми волосами, потом перелистал принесенную рукопись, что заняло у него не более минуты, и начал:

– Честно говоря, я бы вообще запретил женщинам писать стихи. Одна любовь-морковь, охи-вздохи. Чувства мелкие, темы несерьезные. Или вы не согласны со мной, девушка?

– Я не девушка. Я – юноша.

– Ну, простите, – пробормотал литконсультант и снова перелистал стихи.

– И сколько же вам лет, юноша?

– Четырнадцать.

– Так вот что я должен сказать, молодой человек. Ваш юный возраст – это недостаток, который с годами, несомненно, пройдет, но пока в сочиненных вами стихах видно полное отсутствие жизненного опыта, собственной судьбы. И запаса культуры, необходимого для хороших стихов, тоже в столь юном возрасте еще быть не может. Посмотрите, в ваших стихах...

– Это не мои стихи, – перебил его посетитель.

– А чьи же?

– Меня дедушка попросил сходить в редакцию с его стихами. Ему почти девяносто лет, он из дому не выходит.

– Да? – удивился литконсультант, снова пролистал стихи и сказал: – Что мы видим в этих стихах, кроме конкретной, частной жизни вашего дедушки? Автор последовательно описал нам этапы своего боевого пути и трудовой деятельности. Честь и хвала, как говорится, нашим ветеранам, но при чем тут поэзия? Это биография для отдела кадров, а не стихи для журнала.

– Вы опять не так поняли, – сказал юноша, – дедушка послал вам свои переводы из древнекитайской поэзии.

– А известно ли вашему дедушке, – продолжал литконсультант, не сбавляя своего педагогического пафоса, – что нельзя заниматься переводами, не зная языка оригинала, не зная истории его страны, не имея понятия о ее культуре?

– Мой дедушка знает! Он доктор филологических наук. Всю жизнь занимается древнекитайской литературой.

Литконсультант на мгновение задумался, глядя на рукопись, потом решительно сказал:

– Переводы, безусловно, очень интересные. Но предлагать их редколлегии я не могу. В таком виде их просто никто читать не станет. Шрифт на пишущей машинке изношенный, лента старая...

– У нас новая машинка! – возразил парнишка – Две недели всего, как купили.

– А вы посмотрите, какой хвостик у буквы «р». Его почти не видно! Такие нечеткие рукописи у нас никогда не принимались и приниматься не будут. Так и передайте дедушке.

Юноша начал запихивать бумаги обратно в сумку, а литконсультант радостно подытожил, что провел уже 697 боев и во всех 697 одержал победу.

Портфель

– Папочка, не ходи сегодня на работу! – попросил ребенок.

– А кто же за меня пойдет? – удивился инженер отдела капитального строительства Коптилов.

– Пусть твой портфель. Один – без тебя, – предложил сын.

А надо заметить, что это был старый добротный портфель, бесценно служивший хозяину уже полтора десятка лет.

– Действительно, – засмеялся отец, – пусть-ка он разок сходит без меня.

И представьте себе: портфель привычным путем добрался до работы и расположился на своем обычном месте.

– Коптилов уже здесь? – спросил начальник отдела. – Тогда передайте ему, чтобы поскорей шел в Гипродворец.

В Гипродворце портфель привычно плюхнулся в объятия своего старинного знакомого – кожаного кресла в приемной директора института и задремал.

– Опять тот самый Коптилов пришел, вон портфель его лежит, – доложила директору секретарша.

– Скажите, пусть подождет, – ответил директор. Через два часа секретарша напомнила о Коптилове.

– Я же сказал, пусть ждет!

Прошло еще три часа. Портфель по-прежнему дремал в кресле.

– Этот Коптилов решил меня сегодня измором взять, – возмутился директор. – Дайте-ка мне бумаги, которые он принес в тот раз.

Через две с половиной минуты секретарша вынесла в приемную подписанные документы и, не увидев Коптилова, положила их в его портфель. Вернувшись в отдел, портфель опять расположился на своем стуле. Начальнику не терпелось поскорей узнать результаты коптиловского похода. Он раскрыл портфель, вытащил документы:

– Ну, молодец, Коптилов, хорошо сегодня поработал! – воскликнул начальник, листая долгожданные бумаги.

В это время в буфете продавали говяжьи сосиски. Одна из сотрудниц Коптилова, как всегда, купила и на его долю. «Ладно, завтра он со мной рассчитается, а сейчас мне некогда дожидаться», – решила она и, завернув сосиски в несколько слоев кальки, сунула сверток в портфель Коптилова.

В обычное время портфель был дома.

Хомяк

Чертежница Марина занималась на курсах английского языка. Это знало все конструкторское бюро. Его сотрудники понимали, что учиться на этих курсах несоизмеримо труднее, чем, скажем, на вечернем факультете института. Не было секретом, что Марина каждый вечер, все выходные и каждую свободную минутку на работе только и делает, что зубрит английский.

Мне, ее начальнику, было к ней просто не подступиться. Что я, не человек что ли? Какие могут быть чертежи, если у нее нет времени даже поесть? Неужели у нас мало людей, которые умеют чертить и не учатся на курсах иностранного языка? Хоть я сам, например.

А три месяца назад Марина, наконец, окончила эти самые курсы. По такому случаю бригада подарила ей томик Шекспира в подлиннике, а я – живого хомяка. У меня этих хомяков тогда восемнадцать персон дома проживало. Сначала купил двух, потом они тройню родили, потом еще и еще. Так их восемнадцать и стало.

Как только у Марины появился хомяк, об этом сразу узнали все сотрудники. Очень быстро она сумела убедить их, что ухаживать за хомяком значительно труднее, чем, скажем, растить ребенка. И что она каждый вечер и все выходные только и делает, что возится с хомяком. Даже ночью по несколько раз к нему встает.

В обеденный перерыв бегают на рынок за свежей морковкой для него, а в каждую свободную минутку на работе вяжет для хомяка всякие гнездышки и подстилочки. Так что мне, ее начальнику, даже совестно говорить с ней о несделанных чертежах. Коллектив меня не поймет.

Кстати, вам не нужен хомяк? Могу подарить – у меня их уже двадцать три штуки.

Если каждый

У меня есть приятель Димка, который работает на радиозаводе. Каждый раз, когда я прихожу к нему домой и спотыкаюсь о еще один новый камень, который Димка приволок откуда-то для своей коллекции и положил на самом проходе, потому что больше их уже некуда класть, каждый раз я говорю:

– Шел бы ты, Дима, в геологи.

Димка сразу обижается:

– Ты представляешь себе, что будет, если вдруг все кинутся в геологи? Если каждый захочет...

– Каждый не захочет, – пытаюсь возразить я. – Вот я, например, не хочу. И Витька не хочет.

– Вы – редчайшее исключение, – горестно говорит он. – А в основном, все люди – природные геологи. Ты посмотри, – тут он хватает какой-нибудь свой камень, – ты посмотри, – и он тычет в пятнышко на этом камне...

А недавно я познакомился с одним геологом.

– Ты не представляешь себе, – сказал он, – какое это счастье – вернуться из экспедиции, сдать отчет и на несколько дней забыть об этих проклятых минералах. Засесть у себя в комнате и собирать радиосхемы. Это же чудо!

– Но ведь есть же профессия... – начал было я.

– Знаю, что есть. Ну и что с того? Да сейчас чуть ли не каждый – радиолюбитель. Все что-то паяют, что-то ловят! Ты представляешь себе, что будет, если каждый побежит...

Я хотел ответить ему, что каждый не побежит, хотел познакомить его с Димкой, который на радиозаводе работает. А потом подумал: что будет, если каждый станет вмешиваться в чужую жизнь со своими глупыми советами, что будет, если каждый станет навязывать одних своих знакомых другим, – и ничего не ответил.

Женская логика

Однажды начальник конструкторского бюро Корзинкин застал копировщицу Грибкову за вязанием и, естественно, рассердился, поднял шум. Грибкова сначала молча краснела, а потом тоже в амбицию впала:

– Зарплату, – говорит, – вы мне прибавить не можете. У меня на новые рейтузы ребенку денег нет. Приходится старые перевязывать.

Корзинкин от таких неожиданных слов смутился и, не зная, что ответить, отошел молча. С того дня и другие вязальщицы осмелели, вяжут в рабочее время, кто что хочет.

Через месяц Грибкова притащила в бюро вязальную машину. Начальник не выдержал, возмутился. А она в ответ:

– Неужели вам не ясно, что на машине можно вязать в пять раз быстрее, чем вручную. Лучше я побыстрее расправлюсь с этой кофточкой, а в оставшееся время успею все ваши чертежи скопировать.

Корзинкин хотел возразить, но раздумал и спорить не стал. А вскоре другие сотрудницы принесли такие же машины.

Через два месяца в бюро позвонил какой-то тип и начал упрашивать срочно связать ему свитер. Начальник пять раз бросал трубку, но тип оказался жутко настырным. Под конец разговора Корзинкин устал и позвал к телефону Грибкову, попросив ее принять заказ на вязаное изделие. В благодарность тот тип обещал дать телефон конструкторского бюро всем своим знакомым.

И точно, в бюро теперь звонили целый день, и вскоре начальник так привык к этому, что уже не звал к телефону подчиненных ему вязальщиц, а сам вел переговоры с клиентами и оформлял заказы. А потом случилось, что Корзинкин засек вязальщицу Грибкову за копированием чертежа и был очень недоволен. Но она не растерялась:

– Выгодными заказами на вязание, – говорит, – обеспечить не можете. Приходится чертить – тоже работа сдельная.

Бунтарь

В субботу днем, вернувшись из магазина, жена услышала возбужденный голос мужа, говорившего по телефону. Она опустила на пол сумки с продуктами и замерла, пораженная: такой твердости, такой решительности в голосе мужа она не слышала никогда

«Интересно, с кем это он так?» – подумала жена и ничего не смогла предположить, потому что ни с кем он так прежде не разговаривал

– Ладно, Николай Архипович, недолго вам осталось чужими руками жар загребать! – рокотал баритон мужа – И на вас управа найдется. Мы и не таких на место ставили!

«Да что же это за Николай Архипович? – взволновалась жена. – Господи, да ведь это сам директор! Что же теперь будет!»

– А в технических вопросах, уважаемый Николай Архипович, не вам меня учить! Кишка тонка! – продолжал муж.

«Теперь уж все. Как пить дать, с работы вышибут. Хорошо бы хоть не по статье, а по собственному», – обреченно решила жена.

Но тут муж вдруг резко переменял интонацию, голос его стал тихим и дружелюбным:

– Вот так, Витюха. Так все ему и скажи! Смело и принципиально. Не можешь ты, что ли! А что я? Что я? У меня совершенно другая ситуация. Нет, я не буду. А ты скажи. Стукни кулаком по столу и скажи: «До каких пор, уважаемый Николай Архипович!» – и его голос снова загрохотал.

Жена облегченно вздохнула и понесла продукты на кухню.

Любимая работа

На работу я всегда иду с радостью. Особенно сегодня, хоть кто-то и сказал, что понедельник – день тяжелый. Для меня – нет. Я наоборот счастливо предвкушаю начало рабочего дня еще со вчерашнего вечера.

Во-первых, я придумала себе новую стрижку. Что скажут о ней в нашей комнате, я догадываюсь, но меня больше волнует мнение 417-й комнаты. Неплохо заглянуть и в 525-ю и 631-ю – там тоже есть понимающие люди. Кстати, в 631-й еще не видели моих новых сапог. Надо обязательно сегодня же к ним зайти, пока сапоги не обтопались.

Я иду на работу с радостью, несмотря на то, что день предстоит мне весьма напряженный. С утра надо успеть поймать Лариску, пока она никуда не умчалась, и спросить, не сможет ли достать мне французскую косметику. Потом зайти к Маргарите Петровне, которая обещала принести почитать Агату Кристи. В десять часов надо быть в 321-й комнате – там Лена Крюкова будет показывать слайды о своей поездке в Болгарию. Больше часа это, надеюсь, не займет. В одиннадцать я должна появиться в кабинете у Захарова. У него сегодня день рождения и, значит, он будет угощать всех чудесным безе собственного изготовления.

Потом надо успеть до обеденного перерыва сходить в столовую перекусить. А в законный обед пробежаться до универмага. Если я куплю ткань, какая мне нужна, то после обеда Ольга Васильевна обещала мне ее раскроить. Еще надо будет быстренько сметать и пойти в 631-ю, показать, что получилось. Ольга Васильевна в кройке и шитье, конечно, разбирается, но вкус у нее несколько старомодный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.